

УДК 930:94(47+57) 1917/1991”

РЕЗНИК Александр Валерьевич –*ассистент кафедры новейшей истории России историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, младший научный сотрудник Центра сравнительных исторических и политических исследований ПГНИУ.**614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.**reznik@comparativestudies.ru*

К ИСТОРИИ ТРОЦКИСТСКОЙ ОППОЗИЦИИ НИЗОВ

TOWARD THE HISTORY OF TROTSKYIST OPPOSITION FROM BELOW

В статье исследуется оппозиция внутри большевистской партии, выступавшая за «демократизацию» внутрипартийного режима в 1923–1924 гг. Традиционная политическая история фокусируется на борьбе за власть в верхах партии, придавая особое внимание противоборству Троцкого и Сталина. В данной статье предлагается исследовательская оптика истории снизу, рассматривающая оппозиционность рядовых студентов-коммунистов Петрограда, где общая поддержка оппозиции была изначально крайне мала. Рассмотренные случаи поддержки оппозиции в ряде высших учебных заведений позволяют сделать вывод, что основным фактором выражения оппозиционности послужил авторитет Троцкого, хотя оппозиция не сводилась к его «защите». Исследуя политические практики раннесоветского общества, следует учитывать, что зачастую персонификация политики была наиболее прагматичной тактикой, обеспечивающей легитимность оппозиционных действий.

Ключевые слова: внутрипартийная борьба в КПСС, политическая история СССР, троцкизм

This article explores the opposition in the Bolshevik party that struggled for a democratization of intra-party regime in the period of 1923–1924. Traditional political historical science is focused on the struggle for power at the top, giving special attention to the Trotsky-Stalin confrontation. This article offers a history from below, exploring opposition of rank-and-file student-communists in Petrograd, where common support for the opposition was low from the very beginning. Based on the case studies of support for the opposition in several higher educational institutions the author concludes that the main factor contributed to oppositional activity was Trotsky's authority, even though being in the opposition was not limited by «protecting» him. When studying early Soviet political practices it is important to consider that personification of politics was one of the most pragmatic tactics that legitimized oppositional activity.

Keywords: intra-party struggle in the CPSU, political history of the USSR, Trotskyism

На рубеже 1923–1924 гг. партия большевиков переживала один из важнейших и болезненных этапов в своей эволюции. Переход к нэпу в 1921 г. обозначил либерализацию в экономике, но увеличил вес административно-авторитарного начала во внутрипартийной жизни («бюрократический централизм»). Внутренний политико-организационный кризис РКП(б) разгорелся в условиях социально-экономического кризиса, вызванного несогласованностью деятельности хозяйственных органов и революционной ситуацией в Германии. Сформировавшаяся оппозиционная группа во главе с Л.Д. Троцким,

Е.А. Преображенским и другими высокопоставленными большевиками, обвинила «большинство Центрального комитета» РКП(б) в ошибочном политическом курсе, усугубившем процессы «бюрократизации», «отрыва партии от масс», а ответственных партийцев — от рядовых, а также затухание активности низов. В качестве персональных виновников выступал триумvirат членов Политбюро ЦК — Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев и И.В. Сталин. Острая политическая борьба протекала преимущественно в форме дискуссий в печати и на собраниях, посвященных переходу к «новому курсу» — «демократизации» внутрипартийного режима. Сторонники

«тройки» заостряли проблему единства партии в противовес «раскольнической» деятельности оппозиционеров. Шла борьба за голоса рядовых членов партии, отдаваемых за те или иные резолюции. В низовых и провинциальных партиорганизациях, которые должны были сформировать свою позицию исключительно на основе партийной прессы (в основном подконтрольной сторонникам ЦК), многие авторы критических выступлений попадали в разряд оппозиционеров независимо от их желания. К январю 1924 г. оппозиционное меньшинство, обвиненное XIII партийной конференцией в «мелкобуржуазном уклоне», было вынуждено признать свое поражение, особенно в условиях масштабного политического траура по В.И. Ленину, умершему 21 января 1924 г. [РКП(б)... 2004].

Подчеркнем: внимание большинства исследователей было приковано к сюжету «борьбы за власть» в верхушке партии – на уровне ЦК и Политбюро ЦК КПСС. Часто борьба была представлена в персонафицированном виде, в первую очередь как противостояние Троцкого и Сталина, в советской историографии – как «борьба партии с троцкизмом» [Вяткин 1966; Дмитриенко 1976]. Глубокий анализ документов Э.Х. Карром делает его книгу актуальной и поныне [Сарт 1954]. Однако история внутривнутрипартийной борьбы всегда оставалась закрепленной за «традиционной» политической историей, концентрирующей внимание на властных верхах, центрах (институциональных и географических) и производимых ими текстах. Это характерно в т.ч. для таких разных исследователей, как Дэниэлс, Роговин, Павлюченков [Daniels 1960; Роговин 1992; Павлюченков 2008].

Среди новейших исследований оппозиции особое место занимает книга И. Халфина [Halfin 2007], изучившего дискурсивные практики «демонизации» внутривнутрипартийной оппозиции, в т.ч. на материалах дискуссий в Петроградском коммунистическом университете им. Зиновьева. На первый план вышли исследования «субъективности» и «языковых игр», тогда как институциональные, сетевые и другие аспекты политической борьбы как таковой отошли на задний план.

Субъективен и сам источник – протоколы партийных собраний.

Цель данной статьи – ответить на вопрос о формах выражения оппозиционности студентов-коммунистов в Петрограде. Петроград был основной базой поддержки «тройки» в борьбе против оппозиции. Политическая борьба к ноябрю–декабрю 1923 г. перекинулась из верхов в низы – в форме дискуссий о внутривнутрипартийном положении. Результаты дискуссий в Петрограде изначально играли важную политико-пропагандистскую роль в деле осуждения оппозиции, а потому условия для выступления оппозиции в низах были крайне неблагоприятными. Это актуализирует изучение немногочисленных выступлений «против течения».

В отличие от московских студентов-оппозиционеров, публиковавшихся в центральном органе КПСС – газете «Правда», петроградские студенты почти не использовали периодическую печать. Руководство «Петроградской правды» поддерживало ЦК. Дискуссия не перекинулась на страницы журнала «Красный студент» или подобные ему издания. Губернская отчетно-выборная конференция в конце ноября 1923 г. прошла под аккомпанемент речей с выражением «единства». На общем собрании Горного института 29 ноября, за две недели до резкого ожесточения внутривнутрипартийных дискуссий, один из студентов задал вопрос, «почему бюро коллектива раньше не устроило дискуссию о партстроительстве и задачах партии, до районной конференции», и предложил поставить членам бюро на вид¹. В тот же день в Институте народного хозяйства проходило «обсуждение доклада тов. Зиновьева о задачах партии». В ходе собрания прозвучали критические мнения, но они не предвещали последующей радикализации².

Важно, что делегаты от вузовских ячеек сами смогли убедиться, что оппозиция, если она вообще существовала, на конференции никак себя не проявила. Тем легче было принять тезис большинства

¹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.). Ф. 80. Оп. 1. Д. 2. Л. 1(об)-2.

² ЦГАИПД СПб. Ф. 7354. Оп. 1. Д. 15. Л. 39-39(об).

ЦК о том, что вопреки единогласно принятой членами ЦК и ЦКК резолюции «О внутрипартийной демократии» (опубликована 7 декабря) Троцкий пошел на конфликт, опубликовав письмо «Новый курс», прямо адресованное «партийным совещаниям». Кстати, «Петроградская правда» опубликовала письмо 12 декабря на первой странице, но рядом с передовой «Под знаком единства». «Новый курс» Троцкого, помимо прочего, содержал тезис, особенно привлекательный для студентов: «Поскольку в партийный аппарат входят неизбежно более опытные и заслуженные товарищи, постольку бюрократизм аппарата тяжелее всего отзывается на идейно-политическом росте молодых поколений партии. Именно этим объясняется тот факт, что молодежь — вернейший барометр партии — резко всего реагирует на партийный бюрократизм»¹.

Сторонники ЦК интерпретировали этот тезис как «противопоставление» поколений внутри партии. 15 декабря публикуется статья Сталина с беспрецедентно резкой критикой в адрес Троцкого². Но гораздо более важную роль сыграло «Письмо петроградской организации членам нашей партии», принятое по докладу Зиновьева на общегородском собрании бюро ячеек и активных работников 15 декабря почти единогласно (из примерно 3 000 делегатов 5 были «против» и 7 «воздержались»). Главным объектом критики стал персонально Троцкий³. Однако действия Сталина, Зиновьева и редакции газеты «Правда» возымели и обратный эффект — появились резолюции «в защиту» Троцкого. Политика стремительно персонализировалась.

Вопрос о Троцком стал центральным на собрании Петроградского государственного университета. Открывший прения Горбачев «выразил недовольство» тем, что докладчик употребил термин «троцкизм»; в целом же он был согласен с докладчиком. Другой оратор, Куразов, заявил, что причиной

недовольства партийных масс стало «создание касты», которую необходимо «разредить». «Считаю, что надо вопрос ставить, как ставит его т. Троцкий», — заявил выступивший. Тем не менее сторонники ЦК в ПГУ получили в 2 раза больше голосов⁴.

Дискуссионное собрание в Горном институте также не свелось исключительно к защите Троцкого, но отразило более широкий спектр оппозиционных взглядов. Вывод многих выступавших сводился к необходимости обновления аппарата партии. В итоге резолюция сторонников ЦК получила лишь на 8 голосов больше альтернативной⁵.

В Государственном институте медицинских знаний большинство ораторов были настроены оппозиционно, продолжение собрания даже перенесли на следующий день. Часть выступавших солидаризировалась с Сапроновым и Преображенским, часть стояла на позициях Троцкого. В целом критические выступления все же были далеки от четкой оппозиции большинству ЦК. Те, кто вступал в полемику с безусловными сторонниками большинства ЦК, черпали аргументы преимущественно из местного опыта. Представляются справедливыми слова одного из них: «Расхождение выступавших товарищей объясняется тем, что многие не хотят признать, что в партии не все в порядке». В итоге 38 голосами была принята резолюция: «против письма собрания петроградских активных работников, направленного против т. Троцкого, как подрывающего единство и силу партии»⁶.

Оппозиционеры, как правило, использовали авторитет Троцкого в качестве «подпорки» своей аргументации. В этой связи красноречива формулировка резолюции, предложенной на дискуссионном собрании в Эстонском педагогическом институте: поддержать новый курс «при исполнении [его] так, как тов. Троцкий в своей статье указывал»⁷. Неизвестно, сколько голосов было отдано за это предложение. В целом за резолюцию в поддержку ЦК голосовали

¹ Троцкий Л. 1923. Новый курс. — *Правда*, 11 дек.

² Сталин И. 1923. О дискуссии, о тов. Рафаиле, о статьях т.т. Преображенского и Сапронова и о письме тов. Троцкого. — *Правда*, 15 дек.

³ Письмо петроградской организации членам нашей партии. 1923. — *Правда*, 18 дек.

⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 874. Л. 28-30.

⁵ Там же. Л. 36-38.

⁶ Там же. Л. 70-73(об).

⁷ Там же. Л. 35.

53 партийца ячейки, против — 13 и 3 воздержались¹.

Таким образом, на материалах политических дискуссий в петроградских вузах можно сделать вывод, что, выбирая форму выражения оппозиционных взглядов, студенты-коммунисты исходили, с одной стороны, из факта непопулярности оппозиции, а с другой — из факта высокого авторитета Троцкого. Образ оппозиции был менее ясным и цельным, чем образ Троцкого. Хотя

оппозиция низов не была однородной, наиболее эффективным приемом для всех оппозиционеров служила «защита Троцкого» от дискредитации (а значит, защита партии) и опора на его авторитет посредством ссылок и цитирования. Мы считаем, что оппозиция 1923 г. не была «троцкистской», но в определенном смысле «троцкизм» был частью оппозиции.

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 5. Д. 4879. Л. 56.

Исследование выполнено при поддержке фонда «Открытое общество».

Литература

Борьба партии большевиков против троцкизма в послеоктябрьский период (под ред. В.Л. Игнатъева). 1969. М.: Мысль, 294 с.

Вяткин А.Я. 1966. *Разгром Коммунистической партией троцкизма и других антиленинских групп (ноябрь 1920–1925 гг.)*. Ч. 1. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 174 с.

Дмитренко С.Л. 1976. *Борьба КПСС за единство своих рядов*. М.: Политиздат, 320 с.

Павлюченков С.А. 2008. *«Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929 гг.* М.: Собрание, 463 с.

РКП(б): Внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы. 1923. (отв. сост. В.П. Вилкова). 2004. М.: РОССПЭН, 464 с.

Роговин В.З. 1992. *Была ли альтернатива? Троцкизм: взгляд через годы*. М.: Терра, 400 с.

Carr E.H. 1954. *The Interregnum: 1923–1924*. London: Penguin, 400 p.

Daniels R.V. 1960. *Conscience of the Revolution. Communist Opposition in the Soviet Russia*. Cambridge, Harvard University Press, 456 p.

Halfin I. 2007. *Intimate Enemies. Demoning the Bolshevik Opposition, 1918–1928*. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 416 p.

ПРОКОФЬЕВ Юрий Анатольевич —
эксперт по внешнеэкономической деятельности

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПАРТНЕРСТВЕ СССР И СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В 1945–1991 гг.

ON THE ECONOMIC PARTNERSHIP BETWEEN THE USSR AND COUNTRIES OF EASTERN EUROPE IN 1945–1991

Активизация экономических отношений между СССР и странами Восточной Европы в первые послевоенные годы носила объективный характер. Разгром Германии, политический и экономический вакуум в Европе, агрессивная политика США предопределили роль Советского Союза как основного партнера восточноевропейских стран в создании модели социалистической экономической интеграции. Важную роль в советской политике в отношении стран Восточной Европы играл идеологический фактор.